

— Вот почему отец ни за что не хотел отдавать «Весну и Осень», и вот почему мои охранники подняли такой переполох, разыскивая меня. Они боялись, что вы обнаружите, что книга на самом деле не в резиденции премьер-министра, а у меня, и это будет стоить мне жизни, — объяснил Чэнь Цзю.

В душе Цяо Жань всколыхнулось чувство вины. Она ведь едва не погубила невинного человека. Девушка поспешно замахала руками:

— Теперь, когда я знаю правду, я не стану отбирать книгу силой. Я была неправа, прошу прощения.

Чэнь Цзю усмехнулся и подшутил:

— Госпожа Цяо, почему бы вам не подождать пять лет? Когда я умру, я поручу доверенному лицу передать вам «Весну и Осень». Так и ваше желание исполнится, и родители не будут лишний раз горевать. Как вам такое предложение?

Цяо Жань запнулась, густо покраснев. Ей стало неловко от того, что её тайные мысли оказались на виду, и она отвела взгляд от искренних глаз Чэнь Цзю:

— Я... я... конечно, я хочу, чтобы господин Чэнь был здоров и жил долго-долго.

— Вы и вправду мягкосердечный человек, — Чэнь Цзю опустил глаза, поднялся и подошел к окну. Глядя на цветущие персиковые деревья во дворе, он добавил: — Цзиньчжоу держит свое слово. Подождите пять лет, госпожа Цяо, и тогда «Весна и Осень» будет ваша.

Цяо Жань почувствовала себя так, будто она сама толкает Чэнь Цзю в могилу. Она крепко сжала руки и начала оправдываться:

— Я не это имела в виду, я вовсе не...

Она замолчала. Красноречивая и острая на язык, сейчас, глядя на одинокую фигуру у окна, она не смогла произнести ни единой лживой фразы. Ведь она действительно хотела получить «Весну и Осень».

Чэнь Цзю медленно обернулся и поправил полы халата:

— Я знаю, какой вы человек, иначе не стал бы столько рассказывать. Верно, Цяо Эр?

— А? — Цяо Жань вздрогнула, услышав это прозвище, которым её называли только в разбойничьей среде. Она замялась и тихо спросила: — Ты не винишь меня за то, что я тебя похитила и довела до приступа, — это уже верх великодушия. Но зачем ты столько мне рассказываешь и еще хочешь отдать «Весну и Осень»?

Мир жесток, и нет ничего более непредсказуемого, чем человеческое сердце. Поступки Цяо Жань — похищение, угрозы — никак нельзя было назвать благородными. Разве можно было ей

доверять?

Выражение лица Чэнь Цзю смягчилось, он прислонился к окну и улыбнулся:

— За свои двадцать три года Цзиньчжоу немного завел друзей и не так много людей повидал. В детстве я постоянно балансировал на грани жизни и смерти, а отец занимал высокий пост и имел много врагов. Чтобы сохранить мне жизнь, они никогда не объявляли о существовании сына в семье Чэнь. Все знали лишь, что у четы Чэнь есть только одна дочь.

Цяо Жань спросила:

— А почему потом вы продолжали скрывать это от всех?

— Позже, с грехом пополам, я вырос, и рядом появились люди, которым можно доверять, — сказал Чэнь Цзю. — После пятнадцати лет я постоянно лечился в Шучжуне и редко возвращался в столицу. Зная о своей судьбе, я решил не распространяться об этом. Если бы все знали, что у отца родился такой хилый болезненный, как я, в суде не обошлось бы без насмешек. К чему это?

Цяо Жань начала понимать его. Прийти в этот мир тихо, уйти тихо — как же, должно быть, он одинок.

— Вот почему я так завидую вашей свободе и прямоте. Госпожа Цяо, вы на самом деле чисты душой, и Цзиньчжоу не может не хотеть с вами подружиться, — Чэнь Цзю сделал два шага навстречу Цяо Жань и сложил руки в приветствии. — Если я смогу подружиться с такой героиней, как вы, то оставшиеся дни моей жизни станут куда радостнее. Не знаю только, захотите ли вы.

Цяо Жань остолбенела:

— Ты хочешь дружить с воровкой?

Оказывается, все эти дни вкусной еды и хорошего обращения были способом наладить дружбу. Цяо Жань невольно подумала: какой же Чэнь Цзю простодушный, даже наивный. У неё самой хитрости в сто раз больше.

Чэнь Цзю ничуть не смутился её происхождения:

— У каждого есть свои таланты. Цзиньчжоу никогда не судит о добре и зле по тому, чем человек зарабатывает на жизнь. Мне всё равно.

— Господин Чэнь... — Цяо Жань была тронута. Она окончательно отбросила осторожность, подошла и взяла его за руки, с раскаянием произнесла: — Прости за прошлые обиды! Я обещаю, что больше никогда не буду претендовать на имущество семьи Чэнь. Все счета сведены, теперь ты мой друг, Цяо Эр!

Чэнь Цзю просиял. Он стал еще ближе к Цяо Жань и ответил:

— Отныне госпожа Цяо — мой друг. Буду готов пройти ради тебя сквозь огонь и воду, и не предам до самой смерти.

— Дружище! — не сдержавшись, Цяо Жань радостно обняла его. Это был её второй друг с тех пор, как она попала сюда. Поистине, не побьешься — не подружишься! Она вдруг поняла, что такое та самая верность, о которой пишут в романах о боевых искусствах — дружба, возникшая с первого взгляда и крепче самой смерти.

Девушка с лицом белее снега, сияющая улыбкой, так искренне и просто обняла его, что сердце Чэнь Цзю на мгновение замерло.

К счастью, Цяо Жань быстро отстранилась:

— Я человек простой, без лишних церемоний, так что не обессудь.

Чэнь Цзю улыбнулся:

— Госпожа Цяо, называйте меня просто Цзиньчжоу.

Цяо Жань весело отозвалась:

— Цзиньчжоу!

Чэнь Цзю прищурился, его темные глаза казались бездонными:

— Цяо Эр — это ведь не настоящее ваше имя? Как вас зовут?

Улыбка Цяо Жань мгновенно застыла. Чэнь Цзиньчжоу из столицы, вдруг он знает, как звали дочь семьи Цяо, которую уничтожили? Нельзя винить её в подозрительности, просто она до сих пор сама не знала, как зовут девушку, в чьем теле она оказалась. Благородные девицы в древности не выходили за пределы дома, а уж эта дочь семьи Цяо и подавно — она почти не показывалась на людях, и Цяо Жань так и не удалось узнать её настоящее имя.

Называть ли свое имя? Цяо Жань колебалась.

Чэнь Цзю, заметив её замешательство, деликатно добавил:

— Если неудобно, Цзиньчжоу не будет спрашивать.

Цяо Жань подумала: как же это некрасиво с её стороны. Чэнь Цзю доверил ей тайну своей жизни, а она из-за какого-то имени мнется, как девица. Совсем никакой верности!

В конце концов, людей с одинаковыми именами полно. Даже если эту девушку звали Цяо Жань, что с того? А её собственное имя такое простое, в то время как господин Цяо был человеком образованным и наверняка назвал бы дочь как-нибудь изысканно. Подумав так, Цяо Жань успокоилась.

Она улыбнулась и сказала:

— Цяо Жань. Меня зовут Цяо Жань.

Чэнь Цзю слегка прищурился, сделал два шага вперед и мягко произнес:

— Мягкая, как ива, добродетельная и почтительная. Очень подходит госпоже Цяо. Прекрасное имя.

Цяо Жань на мгновение замерла, встретившись с ним взглядом, и они оба рассмеялись.

Она внимательно посмотрела на Чэнь Цзю: услышав её имя, он ни капли не усомнился. Видимо, у той дочери семьи Цяо действительно было другое имя. Одна — знатная леди, другая — бродяга из мира боевых искусств, вряд ли кто-то свяжет её с уничтоженной столичной семьей Цяо. Цяо Жань окончательно успокоилась.

Она сказала Чэнь Цзю:

— Спасибо за гостеприимство, я доставила тебе немало хлопот. Сейчас пойду соберу вещи и вместе с Цинь Хуаем мы покинем это место.

Чэнь Цзю нахмурился:

— В усадьбе просторно, живите сколько угодно, не нужно спешить.

— Нам с Цинь Хуаем нужно найти остальных братьев. Мы так долго отсутствовали, а вокруг полно охотников за головами из мира боевых искусств, я боюсь, как бы с ними чего не случилось.

Цяо Жань прикинула время: по идее, остальные уже должны были покинуть Шучжун, но она опасалась, что они, как и Цинь Хуай, могли вернуться. В Шучжуне сейчас всю идет охота на разбойников, оставаться здесь опасно.

Чэнь Цзю немного подумал и медленно произнес:

— Что ж, хорошо. Я буду поправлять здоровье в усадьбе, вы всегда можете прийти ко мне.

Цяо Жань кивнула:

— Конечно. Я, Цяо Жань, где бы ни была, всегда буду помнить, что у меня есть такой друг, как

ты.

Чэнь Цзю снова улыбнулся.

Когда Цяо Жань вышла из главного двора, она заметила, что охранники и слуги стали относиться к ней с подчеркнутым уважением, каждый почтительно называл её госпожой Цяо. Это чувство было ей в новинку. Пейзажи усадьбы теперь казались ей еще приятнее, и она в приподнятом настроении отправилась искать Цинь Хуая, чтобы обсудить отъезд.

По пути ей встретился Се Лаоши. Не успела Цяо Жань и слова сказать, как тот поклонился и, опустив голову, произнес:

— Я, Се Лаоши, человек грубый, не знаю приличий. В прошлый раз был неправ, прошу госпожу быть снисходительнее.

Цяо Жань была в отличном настроении, и даже этот здоровяк больше не вызывал у неё злости. Она приподняла красивую бровь и с усмешкой ответила:

— Я человек великодушный, так что прощаю тебя.

Се Лаоши сказал:

— Благодарю, госпожа.

— Мы оба были неправы, теперь мы в расчете, — Цяо Жань улыбнулась. — Береги своего господина, не отходи от него ни на шаг, чтобы его снова не похитили такие воры, как я.

— Госпожа права, — Се Лаоши, который раньше слушался только Чэнь Цзю, теперь стоял перед ней смиренно, вежливый до неузнаваемости.

Цяо Жань махнула рукавом и пошла дальше.

<http://bllate.org/book/21361/2174520>